

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. В. Бромлей

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Этническая структура человечества чрезвычайно сложна. Это проявляется как в обилии форм существования этноса, вариантов этнических общностей, так и в их иерархичности. Однако для обозначения всего этого типологического многообразия используется весьма ограниченный арсенал символов (терминов). В результате нередко различные исследователи употребляют одни и те же термины для обозначения типологически различных этнических явлений. Этим, в частности, во многом обусловлены те расхождения, которые отчетливо проявились в ходе недавних дискуссий, посвященных характеристике этнических общностей в целом и их отдельных типов¹. Следует иметь в виду и то, что существующие классификации этнических общностей обычно ограничиваются лишь указанием на основные последовательно сменяющиеся типы этноса, оставляя, как правило, в тени вопрос о всем многообразии его одновременно сосуществующих форм.

Таким образом, совершенно очевидна настоятельная необходимость как более четкого семантического разграничения уже имеющихся терминов, так и введения новых.

Прежде всего, представляется целесообразным терминологически разграничить различные уровни этнической иерархии. Для этой цели предлагается ввести следующие понятия²: а) «основные этнические подразделения», или «этноты», — совокупности людей, обладающих наибольшей интенсивностью этнических свойств; б) «элементарные этнические единицы», или «микроэтнические единицы», — те наименьшие составные части основного этнического подразделения, которые представляют предел делимости последнего; в) «макроэтнические единицы» — этнические общности, охватывающие несколько основных подразделений.

Во-вторых, необходимо четко различать употребление понятия «этнос» в узком и широком значении данного слова: «этникос» и «этносоциальный организм» (эсо). При этом под этникосом нами понимается исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего определенного единства и отличия от других таких же совокупностей. Термином «этносоциальный организм» обозначаются сложные образования, возникающие в результате взаимопересечения основных собственно этнических подразделений

¹ Особенно показательна в данном отношении дискуссия о понятии «нация», развернувшаяся в 1966—1968 гг. на страницах журнала «Вопросы истории». См. также дискуссию об этносе в журнале «Сов. этнография» за 1967—1972 гг.

² Ср.: В. Ф. Геннинг, Этнический процесс в первобытности, Свердловск, 1970, стр. 40—41.

(этникосов) с так называемыми социальными организмами, под которыми понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития³. Аналогичные разграничения следует проводить и на всех остальных уровнях этнической иерархии, различая собственно этнические и этносоциальные микроединицы и макроединицы.

В-третьих, необходимо дифференцировать этническую номенклатуру в историко-стадиальном плане, в зависимости от принадлежности этнической общности к той или иной социально-экономической формации или к группе формаций.

В-четвертых, условимся о разграничении понятий «этнические» и «этнографические» общности, используя прежде всего такой показатель, как наличие или отсутствие самосознания. Определенным основанием для этого разграничения служит, с одной стороны, отсутствие этнических общностей без самосознания, с другой, — то, что в таком случае название «этнографическая общность» будет обозначать общность, которая, не имея четкого самосознания, может быть выявлена лишь путем специальных этнографических исследований. Таким образом, название общности будет соответствовать специфике ее выявления⁴.

В-пятых, при классификации этнических общностей (особенно при разграничении основных подразделений и макроединиц) следует учитывать, обладают ли такие общности единством, внутренней однородностью или лишь этнической близостью, представляя по существу ассоциацию нескольких близких по своей культуре этносов.

Наконец, представляется существенным подчеркнуть, что понятие «этническая общность» мы прилагаем ко всем подразделениям этнической иерархии (начиная с этнической группы), термином же «этнос» именуем лишь основное этническое подразделение⁵.

Приступая после всех этих предварительных замечаний к непосредственному рассмотрению интересующей нас проблемы, начнем с вопроса об основном этническом подразделении первобытности. Известно, что в качестве такого подразделения в нашей литературе обычно называется племя. Однако в последнее время эта традиционная точка зрения поставлена под сомнение. Высказывается, например, мнение, что «отдельное племя со свойственными ему социальными институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность». Соответственно делается вывод, что «основными типами этнических общностей эпохи первобытного строя были, вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры». Это точка зрения Н. Н. Чебоксарова⁶, ее разделяет и С. А. Арутюнов⁷.

Примерно такого же характера возражения против отнесения племени не только к основным этническим подразделениям, но и вообще к этническим формированиям приводит В. Ф. Генинг. Он ссылается на то, что в понятии племени «определяющей остается система организации власти»⁸.

³ См.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник Академии наук СССР», 1970, № 8; его же, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», 1, М., 1971.

⁴ Характерно, что согласно общепринятой точке зрения, в такой разновидности этнографических общностей, как историко-этнографическая область, население не обладает самосознанием.

⁵ Ср.: Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 96.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества, «Расы и народы», 2, М., 1972, стр. 23.

⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 59.

Для племени, действительно, характерно осуществление функций власти. На этот широко засвидетельствованный этнографией факт обратил внимание Ф. Энгельс. Он, в частности, отмечал наличие у племени военачальника или верховного вождя, народного собрания, совета старейшин и т. п.⁹ Этот аспект функционирования племени условно может быть назван «социально-потестарным» (от лат. *potestas* — власть). Но у племени есть и другая, не менее важная сторона. По Энгельсу, племя характеризуется также определенной общностью диалекта, общими религиозными представлениями (мифологией), обрядами и собственным именем¹⁰. Очевидно, что перед нами собственно этнические свойства племени. Таким образом, племя одновременно и социально-потестарная и этническая общность. А это значит, что оно представляет собой этносоциальное образование.

Но в таком случае остается вопрос: какое место в иерархии этносоциальных общностей принадлежит племени? Решение этого вопроса, в свою очередь, зависит от определения того, какую из основных социальных единиц первобытности — род или племя — следует считать социальным организмом. Представляется, что род нельзя рассматривать в качестве социального организма, поскольку в силу экзогамности его «внешняя» независимость весьма ограничена. Племя, напротив, обладает не только внутренним единством, но и определенной «внешней» независимостью (особенно до образования союзов племен), обеспечиваемой его потестарными функциями. Это и позволяет считать именно племя социальным организмом первобытнообщинной формации. Но так как племя в то же время и этническое подразделение, очевидно, есть достаточно оснований рассматривать его в качестве этносоциального организма (или *эсо*).

Необходимо, однако, сразу же подчеркнуть, что в данном случае речь идет о племенах развитого первобытного общества. Они охарактеризованы Ф. Энгельсом на материалах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению классов у американских индейцев, древних греков, римлян и германцев. Но, как известно, в этнографической литературе племенем подчас именуют также общности, не обладающие необходимыми для социальных организмов атрибутами¹¹. Примером их могут служить австралийские племена. Представляя собой совокупность экзогамных родов или групп, связанных общими чертами культуры и сознанием общего происхождения, такие племена обычно не имеют единых органов власти¹². Ссылаясь на это обстоятельство, а также на некоторую неустойчивость подобных образований, отдельные исследователи предпочитают даже говорить в данной связи не о племенах, а лишь об этнических общностях¹³. Действительно, перед нами этнические, а не потестарные единицы. Но думается, что все же нет оснований отказываться от наименования их племенами. Правда, это всего лишь племена-этнокосы, не превратившиеся еще в племена-эсо. Однако в нашем распоряжении есть прямые этнографические свидетельства о возможности подобного превращения. Примером этого могут служить, в частности, австралийское племя диери и племена Западной Виктории. Так, у диери в отличие от подавляющего большинства других австралийских племен уже появилось подобие общеплеменного совета из главарей отдельных родов и общеплемен-

⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92—95; 105—106; 126—127; 142—149.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Д. А. Ольдерогге, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, стр. 138—140.

¹² См., например: В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969, стр. 334.

¹³ См., например: В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 59.

ной главарь, власть которого еще основывалась преимущественно на личном авторитете, но уже становилась наследственной¹⁴.

Таким образом, племена-этникосы, очевидно, представляют раннюю стадию племенной организации¹⁵. А если это так, то они могут рассматриваться в качестве самостоятельных этнических подразделений ранней ступени развития первобытнообщинного строя. Лишь на более позднем этапе своего развития¹⁶ племя приобретает погестарные функции, становится, так сказать, «классическим» и превращается, как уже говорилось, в этносоциальный организм.

Вывод, что племя на ранней стадии первобытности выступает в роли этника, неизбежно выдвигает вопрос о месте в этнической иерархии того времени такой социальной ячейки, как род. Казалось бы, ответ на данный вопрос напрашивается сам собой: если племя — этникос, то род — эсо. По существу именно такое причисление рода к этносоциальным общностям и подразумевают встречающиеся в нашей литературе случаи, когда им открывается перечень основных типов этих общностей (род, племя, народность, нация)¹⁷. Однако весьма показательно, что данная схема все же не получила у нас признания и перечень основных типов исторических (фактически этнических) общностей обычно ограничивается лишь тремя основными единицами (племя, народность, нация). И то, что в ней отсутствует род, на наш взгляд, не случайно. Дело в том, что функции рода в сфере культуры принципиально отличны от аналогичных функций племени, народности и нации. Существование каждого из этих образований в качестве этнических общностей неразрывно связано с сохранением определенной культурной целостности, с определенной замкнутостью (так сказать, с эндогамностью) в сфере культуры. Между тем для рода, напротив, характерна экзогамность: именно она выступает в роли основного для него структурообразующего фактора. Соответственно основной функцией рода — смешение; притом не только биологическое, но и культурное. И в этом смысле род — фактически антипод этнических общностей, так сказать, «антиэтнос».

По существу не отличается в рассматриваемом отношении от рода и родовая община. Поскольку она как раз и выступает в качестве той конкретной формы, в которой реализуется родовая экзогамия, очевидно, ее в целом, так же как и род, нет основания рассматривать в качестве самостоятельной этнической единицы. Пожалуй, следует отметить лишь несомненно особую роль так называемой локализованной части рода, составляющей ядро родовой общины. Судя по всему, именно эта часть рода была основным хранителем его устоев и традиций. К этому свойству локализованной части рода нам еще предстоит вернуться. Здесь же лишь подчеркнем, что, будучи составной частью не только родовой общины, но и рода в целом, она уже в силу последнего обстоятельства не может считаться самостоятельным этническим подразделением.

Таким образом, на ранней ступени первобытности самостоятельными этническими подразделениями были лишь племена — этникосы, которые, как уже говорилось, в развитии первобытном обществе превращаются в этносоциальные организмы.

Но это отнесение племен к категории эсо, в свою очередь, выдвигает вопрос об этникосе на соответствующей стадии первобытнообщинной

¹⁴ См.: R. Dawson, *The present state of Australia*, London, 1830; A. Howitt, *The native tribes of South-East Australia*, London, 1904.

¹⁵ Вопрос о времени возникновения племен остается дискуссионным; одни археологи относят их появление к мезолиту (А. А. Формозов, *Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке*, М., 1959, стр. 110) другие — к верхнему палеолиту (Г. Н. Григорьев, *Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 150).

¹⁶ См.: С. М. Абрамзон, *Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ*, «Сов. этнография», 1970, № 6.

¹⁷ См., например: В. П. Алексеев, *Род, племя, народность, нация*, М., 1962.

формации. Этническую общность такого рода, на наш взгляд, составляют все члены каждого племени, независимо от того, находятся ли они в пределах или за пределами его территории. Эта общность для краткости может быть названа «соплеменностью»¹⁸. Ее члены — соплеменники остаются таковыми, если даже проживают далеко за пределами своего племени, ибо они сохраняют не только общую с ним культуру, но и сознание принадлежности к нему.

Яркие примеры несовпадения соплеменности и племени дают кочевые народы с их широко распространенной практикой адаптации отдельных иноплеменников и целых иноэтнических родоплеменных подразделений. Много таких фактов зафиксировано, в частности, у арабских кочевников на протяжении всего огромного периода времени от первых веков хиджры до начала нынешнего столетия. Инкорпорируя в свой состав выходцев из других племен, арабское племя объявляло их своими членами «по крови и по имени», постепенно ассимилировало и даже как бы «привязывало» к себе вымышленной генеалогией. Но это, конечно, происходило далеко не сразу и какое-то, часто весьма длительное время узкоэтнический статус инкорпорантов оставался двойственным: они были носителями этнических традиций и принявшей их новой и своей прежней общности. Так, с одной стороны, они должны были, следуя нормам племенной эндогамии, брать себе жен только из своего нового племени, мстить и отвечать за кровь в соответствии с обычаями этого племени и т. д.. Но, с другой стороны, они подолгу сохраняли свои прежние диалектные особенности, генеалогические предания, знаки для клеймения скота, военные кличи, родоплеменные культы, особенности расцветки плащей, головных платков, орнамента, причесок и т. п. Это двойственное положение инкорпорантов не только фиксировалось этнографически, но и хорошо осознавалось как ими самими, так и их соседями. Известно, например, что в иорданском племени бану сахр в конце XIX — начале XX в. одно из его трех основных подразделений — каабна — считалось «не настоящими» бану сахр, так как еще не изгладилось воспоминание о его включении на рубеже XVI в. в состав этого племени. По той же причине в саудийском племени давадир «не настоящими» соплеменниками считались так называемые абат давадир — четыре некогда присоединившиеся группы, еще сохранявшие собственные генеалогические традиции¹⁹.

Соплеменность какое-то время, очевидно, сохранялась и после распада единого племени на части. Примером этого может служить славянское племя дулебов. Известно, что после того как авары разгромили дулебов (602 г.), отдельные части этого племени, оказавшись на значительном расстоянии друг от друга, первоначально сохраняли свое прежнее наименование (об этом наглядно свидетельствует топономика)²⁰.

Итак, на стадии развитого первобытного общества этносоциальным организмом было племя, обладающее потестарными функциями, а этническим — соплеменность.

Но вслед за этой констатацией в свете предложенного нами членения иерархии этнических общностей неизбежен вопрос: каковы на данной стадии макроэтнические единицы? Притом вопрос этот распадается, в

¹⁸ Этим термином, правда, недавно предложено именовать совокупности нескольких «родственных» племен (см. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 23). Однако такое употребление термина «соплеменность» представляется не вполне удачным. Сколь ни широк семантический аспект понятия «соплеменность» в русском языке, все же оно в первую очередь ассоциируется со словом «соплеменник». Между тем это слово прежде всего означает принадлежность к одному и тому же племени.

¹⁹ См.: А. И. Першиц, Некоторые особенности этнического развития арабов Саудовской Аравии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 83, М.—Л., 1963, стр. 130—132.

²⁰ См.: «Historija naroda Jugoslavije», I, Zagreb, 1953, str. 100.

свою очередь, на две части: в одном случае речь должна идти об этносоциальной, в другом — о собственно этнической макроединице.

Сам факт существования в первобытности культурных общностей, охватывающих несколько племен, как известно, не вызывает сомнений. Правда, на раннем этапе развития первобытного строя подобные широкие общности²¹, очевидно, не обладали сознанием своего единства и, следовательно, представляли лишь этнографические или хозяйственно-культурные образования. Не исключено, однако, что уже у австралийских аборигенов имела место тенденция к превращению «надплеменных» объединений из этнографических в этнические общности. Для этих объединений были характерны языковые различия и отсутствие достаточно четкого сознания единства, но их связывала общая мифология²².

Более уверенно можно говорить о существовании «надплеменных» этнических общностей лишь применительно к заключительной фазе первобытнообщинной формации. На этом этапе отдельные совокупности «родственных» племен, несомненно, приобретают представление о своей общности. Недавно это было убедительно показано на примере ранне-средневековых славян²³. Немалая роль в осознании «родственными» племенами своей общности принадлежала их контактам с другими, более развитыми этническими образованиями²⁴.

Характеризуя по этнографическим материалам развитие этнического самосознания «на первой стадии распада первобытного общества», В. Ф. Генинг не без основания приходит к выводу, что именно в данный период появляются представления об общности, выходящей за рамки племени; при этом процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого имени для каждой такой этнической общности²⁵.

В. Ф. Генинг предлагает называть «надплеменные» этнические общности²⁶ «межгрупповыми» (сокращенно — мегрэо). Это название, по его мнению, «отражает не только общий характер этнических связей (связей между группами), но и наиболее специфическую черту этнического процесса данного периода — прочное этническое единство каждой из входящих в общность этнических групп»²⁷. Однако наименование «межгрупповая этническая общность» отличается крайней неопределенностью: оно может быть приложено к «надгрупповым» этническим образованиям любой социально-экономической формации, притом образованиям самых

²¹ Как свидетельствует археология, обширные культурные ареалы, охватывающие подчас целые субконтиненты, прослеживаются очень рано — со времен палеолита (см., например: А. А. Формозов, Указ. раб.).

²² А. Элькин, Коренное население Австралии, М., 1952, стр. 52.

²³ В. Д. Королюк, К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв., «История, культура, фольклор и этнография славянских народов», М., 1968, стр. 101—113.

²⁴ Известно, например, что древние германцы, распадаясь на множество независимых, часто враждовавших между собой племен, долгое время не обладали сознанием своей общности и не имели даже общего самопознания. «Имя же Германия, — по свидетельству Тацита, — новое и недавно вошедшее в употребление: сначала германцами называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми... (сначала галлы) так стали называть всех (жителей Германии) по племени победителей из страха, а потом те сами усвоили себе имя германцев, приданное им (галлами)». (Публиций Корнелий Тацит, Германия. В кн: «Древние германцы», М., 1937, стр. 56). Вообще весьма показательно, что античные авторы обычно достаточно четко выделяли совокупности родственных племен, давая каждой из них особое общее наименование (например, галлы, иллирийцы, паннонцы и т. п.); при этом они указывали, из каких именно племен состоят такие общности (например, Siga bon, VII, V, 3; «Племена паннонцев суть: бревки, андезитии, дитноны, пирусты, мазеи, диситиаты...»; Hergodot, VII, 110: племена фракийцев — петы, киконы, бистоны, сапей, дерсеи, сатры).

²⁵ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 96—97.

²⁶ Н. Н. Чебоксаров и С. А. Арутюнов, как уже говорилось, предлагают именовать их «соплеменностями».

²⁷ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 98.

различных уровней. В. Ф. Генинг, впрочем, приводит более определенное название «межплеменная этническая общность», но лишь для того, чтобы заявить о своем негативном отношении к этому названию. Основанием для такого отношения ему служит тезис, согласно которому на данной фазе «далеко не повсеместно этнические группы организуются в племена». Однако при этом к последним причисляются лишь те «надродовые» образования, которые имели «четкую структуру» с развитыми органами власти²⁸. Между тем, как мы знаем, наличие самоуправления не является обязательным признаком племени. И поэтому утверждение В. Ф. Генинга, что «разложение первобытных отношений не всегда и не везде сопровождалось формированием племенной организации»²⁹ можно принять лишь при условии, если полагать, что оно направлено против представления о непрерывном существовании в таких случаях племен как потестарных общностей. Но если при этом имеется в виду вообще отсутствие у многих народов на соответствующей ступени развития племенных образований, то с подобным представлением трудно согласиться. Не дают для этого основания, в частности, и те конкретные ссылки на отдельные народы, которые делает В. Ф. Генинг, пытаясь подкрепить рассматриваемый тезис³⁰.

Все это, на наш взгляд, позволяет полагать, что существовавшие в конце первобытности широкие этнические общности представляли собой преимущественно совокупности племен. Следовательно, наименование их «межплеменными» не лишено оснований. Конечно, возможны и другие названия. Например, их можно именовать «семьей племен». Такое обозначение, пожалуй, даже имеет определенное преимущество, поскольку отражает тот факт, что в большинстве случаев речь идет о совокупности племен «родственных» в генетическом отношении.

Вместе с тем необходимо учитывать, что рассматриваемые совокупности племен являлись, как правило, этнолингвистическими общностями, то есть образованиями, обладающими не только самосознанием, но и языковым «родством». Однако, как известно, такие образования обычно сохраняются и в классовых обществах. Стало быть, межплеменные этнические общности или семьи племен — лишь одна из стадийальных разновидностей этнолингвистических общностей.

Следует, однако, иметь в виду и то, что межплеменные общности (семьи племен), как и этнолингвистические общности вообще, по своим основным параметрам представляли не столько единство, сколько сходство, близость: в частности, у них, как правило, не было одного общего для всех составных частей языка.

В роли же социально-этнических макроединиц развитого первобытного общества выступают, на наш взгляд, союзы племен. В самом деле: с одной стороны, они представляют собой относительно автономные потестарные единицы, с другой, — обычно обладают если не целиком, то по крайней мере в большей своей части определенной культурной общностью и сознанием единства. В то же время союзы племен, очевидно, не могут рассматриваться в качестве основных этносоциальных подразделений (эсо), поскольку они, как правило, характеризуются значительно меньшей целостностью, чем входящие в их состав племена.

Следует сразу же подчеркнуть различие понятий «семья племен» и «союз племен». Если во втором случае перед нами — этносоциальная

²⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 98.

²⁹ Там же, стр. 90.

³⁰ В первую очередь он ссылается (там же, стр. 90) на северо-восточных палеоазиатов (коряков, чукчей и ительменов) и народы Амура, Приморья и Сахалина (найцев, ульчей, орочей). Но, как показали новейшие исследования вопроса, в первом случае «довольно четко выявляются диалектально-территориальные группировки, которые можно считать племенами»; во втором — «каждая позднейшая народность по всем данным совпадала с первоначальным племенем» (Б. О. Долгих, Племя у народов Севера, «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 352, 355).

общность, то в первом — этническая общность в узком значении слова, притом выражающая не столько этническое единство, сколько этническую близость. Отличаются семьи племен от их союзов также масштабами: обычно такой союз охватывал лишь часть семьи племен. А главное, хорошо известно, что союз племен мог включать племена разных семей. Иначе говоря, союзы племен могли быть неоднородными в этническом отношении; в таких случаях их, очевидно, следует рассматривать как своеобразные федерации нескольких этносоциальных общностей.

Различие между понятиями «семья племен» и «союз племен» можно, в частности, проиллюстрировать на материалах, относящихся к североамериканским индейцам. Например, в XVII в. ирокезоязычные племена (т. е., по нашей терминологии, ирокезская семья племен) образовывали три союза: 1) Союз ирокезов, состоявший сначала из пяти (сенека, кайюга, оондага, онейда и могауки), а затем шести, (+тускарора) племен; 2) Союз туронов и 3) Союз нейтральных племен. В XIX в. индейцы прерий образовывали несколько союзов племен, которые состояли как из одной, так и из разных семей племен. Так, Союз дакотских племен, известный под названием «Семь костров племенных советов», состоял только из дакотоязычных племен; Союз команчей включал представителей трех семей племен: шононоязычных команчей, сиуязычных айова и атапаскоязычных кайова; Союз черноногих включал две семьи племен: алгонкиноязычных черноногих и ацина и атапаскоязычных сарси³¹.

Итак, нами намечены основные подразделения и макроэтнические единицы первобытности. На очереди вопрос о микроэтнических подразделениях доклассовых обществ. И в этом случае мы должны различать два аспекта — собственно этнический и этносоциальный.

Поскольку предел делимости этника, при котором в основном сохраняются его свойства, представляет отдельный человек, очевидно, таковой и является собственно этнической микроединицей, притом не только в первобытности, но и во всех других формациях. Кстати сказать, недавно предложено именовать человека в роли носителя этнических свойств, этнической информации — этнофором (от греч. этнос + форос — несущий)³².

Гораздо сложнее вопрос о микроэтносоциальной единице первобытности. Как уже говорилось, в силу экзогамности ни род, ни родовая община, ни локализованная часть рода не могут вообще рассматриваться в качестве основных этнических подразделений. Однако для этносоциальной микроединицы эндогамность (в том числе ее отражение в сфере культуры) совсем не обязательна. Напротив, каждая такая единица, представляя часть этнической общности, неизбежно должна быть связана с другими подобными единицами данной общности. Но в то же время сама она, естественно, должна обладать определенным внутренним единством (прежде всего культурным), устойчивостью и самосознанием. Родовая община, состоящая из представителей нескольких (по меньшей мере двух) родов³³, не обладает всей совокупностью этих свойств (в частности устойчивым культурным единством). В полном объеме они в случае дислокального брака присущи роду, целиком совпадающему с родовой общиной. Но если брак не дислокален, то внутреннее единство рода весьма относительно, ибо часть рода неизбежно оказывается территориально оторванной от ядра и находится не в идентичной культурной среде (дру-

³¹ «Народы Америки», т. 1, М., 1959, стр. 209 сл., 253 сл.; Ю. П. Аверкиева, Индейское кочевое общество XVII—XVIII вв., М., 1970, стр. 138; «Handbook of American Indians north of Mexico», pt. I, Washington, 1907, s. v. Iroquois, Dakota, Comanche.

³² См.: Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христюбова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования), «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 57.

³³ Исключение представляют случаи, когда в силу дислокального брака община и род совпадают.

гих родовых общинах). В таких случаях наибольшей внутренней целостностью обладает локализованная часть рода.

Таким образом, при дислокальном браке этносоциальной микроединицей первобытности выступает род, при унилокальном браке — локализованная часть рода.

На стадии разложения первобытной формации на смену этим микроединицам, очевидно, приходит архаическая форма большой семьи³⁴.

Переходя к стратификации этнических общностей докапиталистических классовых обществ, следует прежде всего констатировать, что для обозначения этносоциальных организмов таких обществ в нашей научной литературе последних лет обычно употребляется термин «народность». Это обстоятельство внешнее выражение получило, в частности, в том, что в перечне важнейших исторически сменяющихся типов этнических общностей народность неизменно фигурирует между такими этносоциальными организмами, как племя и нация.

Определение народности как основной этносоциальной общности (т. е. этносоциального организма) докапиталистических классовых обществ неизбежно выдвигает вопрос о терминологическом размежевании этносоциальных организмов рабовладельческой и феодальной формации.

Вопрос этот уже поднимался в нашей литературе С. А. Токаревым. В частности, по его мнению, это «разные типы этнических общностей», отличающиеся друг от друга прежде всего соотношением социально-классовых компонентов³⁵. Действительно, этносоциальный организм каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно свободное население, оставляя за своими рамками значительную часть непосредственных производителей этого общества — рабов, поскольку многие из них обычно принадлежат к другим этносам. Этносоциальный организм при феодальном строе охватывает прежде всего трудящееся население и подчас не включает господствующий класс феодалов, особенно его верхушку. В этой связи для обозначения основного типа этнических общностей (по нашей терминологии — этносоциальных организмов) рабовладельческой формации С. А. Токарев предложил наименование «демос», поскольку в такие общности входило преимущественно свободное население³⁶. Однако это предложение представляется не вполне удачным, ибо за словом «демос» в науке уже фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны, что получило, хотя и косвенное, но вполне отчетливое выражение в наименовании специальной дисциплины — демографии³⁷.

Вместе с тем сам факт существования особой разновидности этносоциального организма, характерного для рабовладельческого строя, представляется несомненным. Поэтому (в ожидании, пока будут созданы специальные термины)³⁸ представляется целесообразным (подобно разграничению наций на буржуазные и социалистические) внутри этносоциальных организмов докапиталистических классовых формаций

³⁴ См.: Ю. В. Бромлей, Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины, «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 162—175.

³⁵ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11.

³⁶ Там же, стр. 52.

³⁷ Высказывались и прямые предложения обозначать термином «демос» вообще все население отдельных политических образований независимо от их этнической гомогенности и гетерогенности (см., например: E. Francis, *Ethnos und Demos (Soziologische Beiträge zur Volkstheorie)*, Berlin, 1965, S. 35—87).

³⁸ Делалось, например, предложение поместить между племенем и народностью в качестве особой разновидности этнической общности «народ» (См.: М. Д. Камари, Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации, «Вопросы истории», 1949, № 12, стр. 68). Но слово «народ», как известно, еще более многозначно, чем термин «народность».

выделить два подтипа: «рабовладельческая народность» и «феодалная народность»³⁹.

Что касается основных собственно этнических подразделений докапиталистических классовых обществ — этникосов, то приходится отметить, что в нашей научной литературе для их обозначения фактически нередко используется тот же термин «народность». Это особенно отчетливо проявляется при фиксации этнической принадлежности пленных (в таких случаях обычно говорится, что пленный принадлежит к такой-то народности). Впрочем, для тех же целей подчас употребляется понятие «национальная принадлежность» или же просто «национальность». Однако следует учитывать, что при всей многозначности слова «национальность»⁴⁰, чаще всего оно используется для обозначения этнических общностей (или принадлежности к таким общностям) капиталистических и социалистических обществ (в первую очередь, принадлежности к нации). И в данной связи нередко говорят об этнических общностях докапиталистических формаций как о «донациональных». Поэтому во избежание путаницы (в частности, такого алогизма как «донациональные национальные общности») представляется целесообразным при обозначении этникосов докапиталистических классовых обществ ограничиться термином «народность». Хотя он тоже не однозначен, однако его семантика все же менее емка, чем у слова «национальность». Соответственно мы предлагаем употреблять термин «национальность» лишь в его узком значении (в стадийном отношении), т. е. применительно только к эпохам капитализма и социализма.

Народности-этникосы не следует смешивать с этнолингвистическими общностями. Если такие общности возникают в результате дивергентных, разделительных процессов, то народности складываются в ходе этнической консолидации в рамках социальных организмов.

Эти консолидационные процессы в условиях докапиталистических классовых формаций были чрезвычайно сложными и противоречивыми. Одним из факторов, способствовавших консолидации племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делает необходимым даже и слияние их»⁴¹. Другим еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства, часто они возникали на базе группы родственных племен⁴². В таких случаях, кроме уже имевшейся у этих племен близости языка и культуры (в узком смысле слова), государство оформляло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов⁴³. На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождав-

³⁹ Правда, в нашей литературе высказывались сомнения относительно правомерности такого формационного разграничения понятия народность (В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 58). Однако подобные сомнения были бы оправданы лишь в том случае, если бы народность рассматривалась как этнос в узком смысле слова. Но данным термином, как уже говорилось, обозначается также этносоциальный организм, и, следовательно, для типологизации этой общности ее социально-экономические («формационные») параметры имеют не меньшее значение, чем собственно этнические.

⁴⁰ Ср.: А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1967, № 7, стр. 90.

⁴¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

⁴² «Как только произошло разграничение на группы по языку... стало естественным, — отмечал Ф. Энгельс, — что эти группы начали служить основой образования государств» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 410).

⁴³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 320—321.

шнися завоеванием одних этнических групп другими. В результате в рамках одного государства нередко оказывались неродственные племена⁴⁴. Не следует забывать и неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности подвижность их политических границ.

Но особенно осложняла процесс формирования народностей характерная для большинства докапиталистических классовых обществ иерархичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центристскими и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности. В одних случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в границах обширных политических образований, охватывавших целую группу племенных общностей (подчас семью племен или ее значительную часть, но иногда и совокупность нескольких неродственных племен); нередко таким государственным образованиям предшествовали союзы племен. В других случаях более интенсивными оказывались процессы этнической консолидации в рамках небольших политических единиц, объединявших лишь несколько племен. Но, как правило, эти разновидности консолидационных процессов в той или иной степени сосуществовали.

Примером консолидационных процессов на сравнительно узкой основе может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. нового административного деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родоплеменные деления⁴⁵. В это время «основным социальным организмом⁴⁶ и этнической общностью выступал афинский народ ... в целом, говоривший на особом аттическом наречии и объединенный территориально-политически и общим именем»⁴⁷. Но наряду с народностями, сложившимися в рамках древнегреческих государств — полисов, во второй половине I тыс. до н. э. в результате возникновения общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности⁴⁸.

Таким образом, очевидно, можно говорить о существовании народностей различных уровней. При этом народности одного уровня могли выступать лишь в качестве этнических (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего эса), другого уровня — как этнос, и как функционирующее эсо. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации»), немецкая народность⁴⁹ сохраняется в качестве этнического и после наступления здесь в XII—XIV вв. полной политической раздробленности⁵⁰. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эса (а соответственно и этнических), сформировавшиеся в результате политической раздробленности бавар-

⁴⁴ См.: В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

⁴⁵ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1963, стр. 185.

⁴⁶ Точнее говоря, — этносоциальным организмом.

⁴⁷ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4, стр. 83.

⁴⁸ Там же, стр. 86—88.

⁴⁹ Показательно, что в источниках XI в. слово «diutisch» («deutsch») употребляется уже для обозначения народа (См.: В. М. Жирмунский, История немецкого языка, М., 1956, стр. 52).

⁵⁰ И это дает определенное основание для того, чтобы говорить, что немецкая народность предшествует немецкой нации (ср.: С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 52—53).

ская, саксонская, швабская и другие народности⁵¹. Следует, впрочем, иметь в виду, что формирование более крупных по своим масштабам народностей далеко не всегда предшествовало появлению более мелких этносоциальных общностей. Такой вариант, пожалуй, наиболее типичен для феодальной формации, при которой на смену первоначально возникающим сравнительно крупным государственным образованиям обычно приходит политическая раздробленность. В античном же мире, наоборот, формирование небольших народностей чаще всего предшествовало появлению крупных⁵². Вместе с тем в условиях иерархичной политической структуры не исключено и примерно одновременное появление народностей — этникосов «низшего» и «высшего» уровня. В силу всего этого при разграничении народностей различного уровня представляется целесообразным ориентироваться не столько на последовательность их возникновения, сколько на масштабы. Иначе говоря, в иерархии народностей «элементарные» подразделения могут условно рассматриваться как этникосы первого порядка, «сложные» же общности, т. е. охватывающие несколько таких подразделений, как этникосы второго порядка.

Все основные социально-этнические и собственно этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это наиболее очевидно в отношении народности-эсо, которая имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность-эсо воедино, выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство со всеми его атрибутами. Правда, для народности, как это уже неоднократно отмечалось в нашей литературе, характерно наличие региональных «земляческих» связей⁵³. Однако без связей, охватывающих весь этнический массив народности⁵⁴, ее функционирование как целостного, социального организма невозможно⁵⁵. Народность отличается от племенных общностей и в сфере этнических свойств. (Это относится к народности-эсо и к народности-этникоосу). С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой стороны, если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо просто увеличение культурных инфосвязей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен). «Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при

⁵¹ В хрониках XII—XIII вв., наряду с общим представлением о Германском («Тевтонском») королевстве, саксы, швабы и бавары рассматривались нередко как отдельные народности («Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 84).

⁵² Таково, например, возникновение эллинской и латинской народности (См.: Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 86—88).

⁵³ См., например: А. М. Архангельский, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1961; А. Г. Агаев, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965.

⁵⁴ Чисто «земляческие» связи, как убедительно показал Ф. Энгельс, никогда не выходили «за пределы ближайших местных отношений и связанного с ним узкого местного горизонта» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 347).

⁵⁵ Ср.: Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 86.

наличии чтеца выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения»⁵⁶. Вместе с тем на стадии древних и средневековых народностей «возрастает перепад между уровнями плотности внутриэтнических и межэтнических инфосвязей». Этнические общности этого типа «проявляют тенденцию ко все большей внутренней самоконсолидации, но упорно противятся ассимиляции»⁵⁷.

Характеризуя макроэтнические формирования докапиталистических классовых обществ, представляется необходимым и в этом случае выделить две их разновидности: собственно этнические общности и этносоциальные общности. В качестве первой из этих категорий выступают, на наш взгляд, так называемые этнолингвистические общности, имеющие подчас иерархическую структуру (например, первый уровень — восточные, западные, южные славяне; второй — славяне вообще). Напомним, что для таких общностей характерно практически не единство, а родство языков, иначе говоря, они всегда лишь совокупности родственных этносоц-народностей. Генетически же этнолингвистические общности, по крайней мере те из них, что относятся к первому уровню, восходят, как правило, к семьям племен (в известном смысле семьи племен, как уже отмечалось, сами являются этнолингвистическими общностями). Нельзя забывать и того, что языковые общности далеко не всегда обладают сознанием единства⁵⁸. Между тем, в тех случаях, когда таковое отсутствует, они фактически представляют собой не этнические, а всего лишь этнографические единицы и поэтому не могут быть названы «этнолингвистическими». Это, лингвоэтнографические общности.

При рассмотрении вопроса об этносоциальных макроединицах докапиталистических классовых формаций следует учитывать тот довольно характерный для этих формаций случай, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. Так как такие единицы не только обладают четко выраженной культурной спецификой, но и целиком входят в одно государство (не расчленены политическими границами), их, очевидно, есть основания считать (подобно нации в рамках многонационального государства) этносоциальными организмами, т. е. народностями. Вместе с тем, в пределах рассматриваемых социально-исторических образований, наряду с входящими в них народностями, нередко складывается как бы стоящая над ними этническая общность, что выражается в появлении общих для всех народностей этнических черт. Однако эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей — всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная далеко не равномерно. Следовательно, соответствующие образования в этническом отношении не представляют «органического» целого. Поэтому их, на наш взгляд, можно (в отличие от народностей — этносоциальных организмов) именовать просто «этнополитическими» общностями⁵⁹.

В качестве государственных образований такие этнополитические единицы в условиях докапиталистических формаций обычно сравнительно недолговечны. Однако сложившееся в рамках этих единиц опре-

⁵⁶ С. А. А р у т ю н о в, Н. Н. Ч е б о к с а р о в, Указ. раб., стр. 27.

⁵⁷ Там же, стр. 29.

⁵⁸ Например, такие языковые группы, как кельтская или угорская, состоящие из разобщенных территориально, мало связанных и не сохранивших общей традиции народов, представляют собой лишь научную конструкцию (С. А. А р у т ю н о в, Н. Н. Ч е б о к с а р о в, Указ. раб., стр. 28).

⁵⁹ Примером такой общности может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации (см.: О. В. К у д р я в ц е в, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории, М., 1957, стр. 327—328).

деленное этническое (культурное) единообразие может сохраняться очень длительное время, выступая обычно в качестве историко-этнографических областей, а подчас даже в роли отдельного этника⁶⁰.

Что касается микроединиц докапиталистических классовых обществ, то в качестве собственно этнической единицы этого рода здесь, как и в других формациях, выступает человек. Роль же этносоциальных микроединиц в рассматриваемом случае выполняется различными видами семьи; иногда большой семьей, а чаще всего малой, основанной обычно на моногамии, но подчас и на полигамном, в том числе даже полиандрическом браке.

Переходя к рассмотрению вопроса об основных этнических подразделениях капиталистических и социалистических обществ, следует напомнить, что распространенное в нашей научной литературе представление о нации по существу подразумевает этносоциальный организм. В самом деле, ведь под нацией принято понимать не только культурную, но и определенную территориально-экономическую общность. Между тем сочетание этих факторов как раз и характерно для эсо.

Для обозначения же этникосов капиталистических и социалистических обществ, как мы уже условились, представляется правомерным употребить термин «национальность» в узком его значении. Правда, этот термин чаще применяется при определении принадлежности отдельных лиц к той или иной этнической общности. Однако русский язык знает для него и другое значение — сама этническая общность⁶¹. Совершенно очевидно, что в этом случае интересующий нас термин означает совокупность людей одной национальной принадлежности, т. е. общность по национальности или национальную общность.

Таким образом, если, скажем, чехи ЧССР представляют этносоциальный организм, обладающий территориальной и экономической общностью, т. е. нацию, то в целом чехи, проживающие во всем мире, в том числе в ЧССР, Англии, США и т. д. представляют лишь этникос — национальность. Если мы и в последнем случае определим их как нацию, то это значит, что нация уже не рассматривается как территориальная и экономическая общность, ибо о какой территориальной или экономической общности можно говорить применительно, скажем, к ЧССР и Канаде⁶².

В отличие от народности внутренняя интеграция нации обеспечивается не столько политическими, сколько экономическими связями. В социально-экономическом отношении, как уже говорилось выше, нация представляет собой образование совершенно определенного уровня — уровня капиталистического и социалистического обществ.

В этническом отношении нации как эсо отличаются от предшествующего типа эсо — народности примерно так же, как эта последняя — от племени. При этом обнаруживаются те же два варианта их пространственного соотношения. В одних случаях нация — результат трансформации соответствующей народности (например, венгерской народности в венгерскую нацию). В других — нация продукт консолидации нескольких народностей (например, испанская нация — результат слияния андалузской, кастильской и ряда других народностей). Однако в рассматриваемой связи существенно, что и в первом и во втором случае имеет место дальнейшее повышение однородности культуры, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий

⁶⁰ Так, арабский этникос намного пережил Арабский халифат, в период существования которого он получил особенно широкое распространение.

⁶¹ Это обстоятельство в толковых словарях русского языка получило, в частности, выражение в определении одного из значений слова «национальность» через слово «народность».

⁶² Подробнее см.: Ю. В. Бромлей. Еще раз о соотношении «этнической» и «экономической» общностей, «Сов. этнография», 1972, № 3.

в повседневной культуре. Впрочем, дело не только в повышении однородности культуры (подчас степень такой однородности у какой-либо сложившейся народности могла быть даже в известном смысле большей, чем на начальном этапе у нации, вобравшей в себя несколько таких народностей). Гораздо важнее, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера; причем это повышение плотности внутренней инфосети сочетается со все возрастающей межнациональной инфосетью, постепенно становящейся планетарной⁶³.

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций их принято подразделять на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят, как известно, из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализме коренным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет коренное преобразование наций буржуазного общества⁶⁴. Нации при социализме характеризуются единством дружественных классов, в первую очередь рабочих и крестьян. Руководящая роль в жизни социалистических наций принадлежит рабочему классу. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм, в силу своей эксплуататорской природы, порождает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, представляющий дальнейшее развитие возникающего еще в условиях капитализма пролетарского интернационализма.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Для буржуазной нации с ее классовым антагонизмом характерно, как указывал В. И. Ленин, наличие двух культур⁶⁵. На ранней стадии капитализма ведущую роль в духовной культуре нации играет по преимуществу культура эксплуататорских классов. Однако на современном этапе в капиталистических странах, хотя и господствует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры⁶⁶. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие. При этом установление социальной однородности наций неизбежно влечет за собой интенсификацию процессов культурной консолидации, представляющих диалектическое отрицание их былой культурной раздвоенности.

Некоторые этносоциальные общности при капитализме и социализме принято именовать народностями. Их соответственно подразделяют на буржуазные и социалистические. В социальном плане такого рода общности отличаются от наций прежде всего своей классовой структурой. Хотя они включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической, рабочего класса — в социалистической) сравнительно невелик; преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, остается крестьянство. Как правило, отсутствует у этих общностей и собственная государственность; ее функции у такого рода народности обычно выполняет государственная надстройка крупной нации, с которой она связана в политическом отношении⁶⁷.

⁶³ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 27.

⁶⁴ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», М., 1972, стр. 38—39.

⁶⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁶⁶ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 38.

⁶⁷ Разумеется, все эти различия не следует абсолютизировать, памятуя не только об условности, но и о подвижности граней между такого рода народностями и нациями.

Всем этим во многом определяется и этническая специфика буржуазных и социалистических народностей. В данном отношении весьма показательным рассмотрением С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым этих общностей сквозь призму культурных инфосвязей. По их мнению, народности нового и новейшего времени — это этнические общности, у которых внутренние инфосвязи слабее, чем нити, связывающие каждую из таких общностей с ассоциированной с ней крупной нацией. Другими словами, народность этого типа существует, как правило, только во взаимосвязи с крупной нацией: уэльская народность во взаимосвязи с английской нацией, чукотская — во взаимосвязи с русской. Для такого рода народностей характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не только и даже иногда не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации⁶⁸.

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что подобного рода народности не могут (в отличие от народностей древности и средневековья) рассматриваться в качестве основных таксономических единиц классификации этносов, ибо в это время в такой роли выступают нации⁶⁹. Однако, на наш взгляд, дело не только в классификации. Существеннее другое: так как в подобных общностях внутренние «синхронные» связи между их отдельными частями обеспечиваются в значительной мере «чужими» коммуникативными средствами, такие общности, естественно, не могут рассматриваться как самостоятельно функционирующие организмы. И это относится не только к собственно этнической, но и к социальной сфере, что, как уже говорилось, находит обычно внешнее выражение в отсутствии у такого рода народностей достаточно развитой собственной политической надстройки. Таким образом, очевидно, что ассоциированные народности нового и новейшего времени не могут быть причислены к этносоциальным организмам. Но в то же время несомненно, что такие народности представляют собой не просто этникосы, а этносоциальные общности, ибо они, с одной стороны, являются для соответствующей группы людей основными этническими подразделениями, в рамках которых воспроизводятся специфические этнические свойства, с другой — обладают определенными, присущими только им социальными параметрами. Учитывая при этом тесную связь каждой из рассматриваемых нами народностей с определенной крупной нацией, представляется возможным характеризовать подобные народности как ассоциированные этносоциальные общности основного уровня. Что же касается терминологического отграничения народности древности и средневековья от народности нового и новейшего времени, ассоциированной с какой-либо крупной нацией, то представляется заслуживающим внимания предложение С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова определять их как первичные и вторичные народности⁷⁰.

Переходя к характеристике этникосов эпох капитализма и социализма, т. е. национальностей в узком значении слова, прежде всего следует напомнить, что в подавляющем большинстве случаев каждая национальность-этникос соответствует определенной нации-эсо (или нескольким нациям), однако пространственное соотношение их имеет несколько вариантов⁷¹. При одном из них этникос-национальность и нация-эсо почти полностью совпадают; при другом — из одного этникоса-национальности социальные организмы вычлениют несколько этносоциальных образований; при третьем — в рамках одной социально-политической общности (государства) имеется несколько этносоциальных организмов. Этот последний вариант нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнительных пояснениях, поскольку, хотя он внешне на-

⁶⁸ См.: С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 26.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 26—27.

⁷¹ См. подробнее: Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», стр. 31—32.

поминает ассоциированные вторичные народности, однако речь идет о качественно ином явлении. Дело в том, что собственные коммуникативные связи внутри ассоциированной этнической единицы, как правило, возрастают по мере увеличения ее масштабов. Поэтому, когда такая единица в рамках соответствующего государства занимает обширную территорию (при сравнительно высокой плотности), представляется возможным рассматривать ее как эсо, хотя и не вполне завершенной структуры. Классическим образцом этого могут служить, в частности, венгры, представлявшие в пределах Австро-Венгерской империи конца XIX — начала XX вв. особый этносоциальный организм, т. е. нацию.

Весьма сложным является вопрос о характере этнических подразделений, возникающих в случае, если один и тот же этникос расположен в пределах нескольких смежных социальных организмов, входящих, в свою очередь, в общий социальный организм высшего уровня. В таком случае, строго говоря, один этносоциальный организм составляет та часть данного этникоса, что сосредоточена в основном для него социальном организме первого уровня. Однако в известном смысле эсо образуют как это ядро этникоса, так и те его относительно компактные группы, что находятся на непосредственно примыкающей к нему территории, если она входит в пределы социального организма высшего уровня. Таким образом, скажем, украинцы Украинской ССР составляют эсо в строгом значении этого слова, хотя условно в качестве эсо можно рассматривать всех украинцев, проживающих как в УССР, так и на примыкающей к ней территории РСФСР, Белоруссии и Молдавии, поскольку между ними существуют не только сравнительно регулярные социально-экономические связи, обеспечиваемые союзным государством, но и своеобразная непрерывность непосредственных этнокультурных контактов. Однако уже украинцы соседних с УССР районов Польши, Чехословакии, Венгрии оказываются вне украинского этносоциального организма, хотя и относятся к одному с ним этникосу.

Рассматривая соотношение этникосов-национальностей и эсо-наций, следует еще раз подчеркнуть, что во всех рассмотренных вариантах этникосы обычно полностью не вписываются в эсо. Как правило, та или иная часть этникоса-национальности остается за пределами соответствующей нации-эсо (или наций) либо в дисперсной форме, либо в форме компактных групп.

Вопрос о характере подобного рода компактных этнических групп за пределами основной территории расселения соответствующего этникоса, т. е. вопрос о так называемых этнических анклавах, является чрезвычайно сложным. Чаще это всего-навсего этнотерриториальные группы в рамках государства, где основную массу населения составляет другая этническая общность. Иногда такой анклав конституируется как автономная единица, пользующаяся определенным самоуправлением. Впрочем, степень этой автономии далеко не всегда определяет таксономическое место этнического анклава, ассоциированного в рамках одного государства со значительно превосходящей его в численном отношении нацией. Во всех случаях, когда важнейшие сферы внутренней жизни ассоциированного анклава, прежде всего внутренние экономические связи, обеспечиваются основным этносом соответствующего государства, этот анклав, очевидно, не представляет настолько самостоятельно функционирующей общности, чтобы его можно было отнести к категории эсо. Следовательно, такой анклав, представляющий часть этникоса-национальности, сам по себе (подобно вторичной народности) может быть определен как ассоциированная этносоциальная общность основного уровня.

Что касается находящихся в дисперсном состоянии отдельных частей национальностей-этникосов, то они в конечном счете обычно поглощаются теми нациями-эсо, с которыми они ассоциированы в одном соци-

ально-политическом образовании. Вместе с тем известны случаи, когда в результате слияния нескольких гетерогенных групп различных национальностей-этнических складывается новая нация. При этом в ее рамках соответственно образуется новый этнос-национальность, хотя в то же время у отдельных групп этого этноса в той или иной степени сохраняются не только представления о происхождении от других этносов, но и некоторые их характерные черты. Примером этого может служить североамериканская нация, многие представители которой обладают двойным этническим самосознанием, нередко отмечая, скажем, свое ирландское, итальянское, польское национальное происхождение.

Характеризуя этносы-национальности, необходимо не забывать, что они далеко не всегда являются производными от наций-эсо; нередко их основное ядро составляет всего лишь вторичная народность. Особый случай представляют этносы-национальности, возникшие в результате своеобразной консолидации расовых общностей. Одним из примеров такой консолидации могут служить негры США. Другой пример дают индейцы Северной Америки. Представляя с точки зрения науки совокупность нескольких межплеменных групп, обладающих в целом несомненной общностью происхождения, они, однако, ранее этой общности не сознавали. Ныне же, в условиях роста взаимной информации перед лицом капиталистической эксплуатации и расовой дискриминации, они осознают себя не только членами старых племенных групп, но и индейцами в целом⁷². Но одновременно как негры, так и индейцы обычно обладают сознанием принадлежности к определенному этносоциальному организму — к североамериканской нации и к соответствующему этносу. Одним словом, в этих случаях мы имеем дело с этносами-национальностями как бы двух уровней.

Таким образом, национальности-этносы в эпохи капитализма и социализма являются «производными» не только от наций-эсо, но также от вторичных и дисперсных народностей и даже от этнорасовых общностей.

Более однозначно решается вопрос о микро- и макроэтнических единицах нового и новейшего времени. Собственно этнической микроединицей и в этом, как и во всех других случаях, является человек-этнофор; в роли этносоциального микроподразделения выступает моногамная семья. Собственно этническими макроединицами остаются по-прежнему этнолингвистические общности разных уровней (славяне, восточные славяне и т. п.).

Фактически сохраняется от предыдущего этапа в качестве социально-этнической макроединицы и категория этнополитических общностей. Появление черт такой общности в той или иной степени прослеживается во всех многонациональных государствах нового и новейшего времени⁷³; это относится как к капиталистическим⁷⁴, так и к социалистическим многонациональным государствам⁷⁵. Возникновение этнополитических общностей связано с процессами так называемой меж-национальной (межэтнической) консолидации, решающая роль в

⁷² И. А. Золотаревская, Место индейцев в общественной и культурной жизни США, «Культура индейцев», М., 1963, стр. 314—315.

⁷³ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 78.

⁷⁴ Наглядным примером этого могут служить современная Индия и Индонезия (см.: Ю. В. Маретин, Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии, «Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера», М., 1972, стр. 42—44).

⁷⁵ См.: Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии, «Сов. этнография», 1969, № 1; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

Ступени общественного развития		Характер общности					
		Микроединица		Основное подразделение		Макроединица	
		Этническая	Этносоциальная	Этносоциальное	Этническое	Этносоциальная	Этническая
Первобытно-общинный строй	ранняя стадия	человек	локализованная часть рода (дислокальный род)	нет	племя-этнокос	нет	нет
	поздняя стадия	«	локализованная часть рода, большая семья	племя-эсо	соплеменность	союз племен	семья племен
Рабовладельческий строй		»	моногамная (или большая) семья	рабовладельческая народность	народность-этнокос I и II порядка	этнополитическая общность	этнолингвистическая общность
Феодальный строй		»	»	феодальная народность-эсо	»	»	»
Капиталистический строй		»	моногамная семья	буржуазная нация-эсо (или вторичная народность)	национальность-этнокос I и II порядка	»	»
Социалистический строй		»	»	социалистическая нация-эсо (или вторичная народность)	»	»	»

которых принадлежит государству, контролирующему и объединяющему средства массовой коммуникации в рамках соответствующих политических границ⁷⁶. Следует, однако, особо подчеркнуть, что этнополитические общности могут рассматриваться как организмы лишь в социально-политическом, но не в этническом отношении. Ведь в пределах таких политических образований общие этнические черты по своей интенсивности значительно уступают этническим свойствам входящих в их состав наций и народностей. Между тем, как мы знаем, основные этнические подразделения, в первую очередь эсо, обладают во всей иерархии этнических общностей наибольшей интенсивностью этнических свойств⁷⁷.

Итак, этническая структура человечества представляет собой многоплановую и изменяющуюся во времени иерархию, что создает значительные трудности для ее обобщенной характеристики. И это, естественно, не могло не наложить свой отпечаток на приводимую здесь таблицу.

Разумеется, эта таблица, как и любая схема, неизбежно упрощает отображаемый объект, будучи не в состоянии охватить все обилие форм существования этнических общностей на протяжении всемирной истории. В частности, она оставляет открытым вопрос о наличии переходных этнических общностей. Появление таких общностей может быть обусловлено процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. В первом случае мы имеем дело с переходными периодами в общественном развитии. Например, в нашей стране в переходный период, отделяющий Октябрь от момента построения основ социализма, происходил постепенный процесс превращения прежних буржуазных наций в социалистические. В современных условиях применительно к развивающимся странам, очевидно, можно тоже говорить об этносоциальных организмах, находящихся в переходном состоянии⁷⁸ (иногда их называют «развивающиеся нации»).

Что касается переходных состояний этнических общностей, связанных с изменением их этнических свойств, то в данном отношении, очевидно, наиболее показательны те случаи, когда эти изменения завершаются сменой этнического самосознания. Примером этнических общностей, находившихся еще сравнительно недавно в таком переходном состоянии, могут, пожалуй, служить англо-австралийцы, причем в данном случае, как это бывает довольно часто, немалую роль в качественном изменении этноса сыграли иноэтнические вкрапления (немцы, итальянцы и т. д.).

Наконец, следует подчеркнуть, что вообще любая типологизация не универсальна. В нашем случае, например, остались неиспользованными возможности внутритиповой классификации этнических общностей в соответствии с их качественно-количественными параметрами (численностью, занимаемой территорией, уровнем экономического и культурного развития, и т. п.). Нам представлялось наиболее существенным сосредоточить внимание на структурно-стадиальных аспектах проблемы.

AN ATTEMPT AT A TYPOLOGY OF ETHNIC COMMUNITIES

The ethnic structure of mankind is exceedingly complex. This is manifested both in the abundance of forms of ethnic communities and in the existence of a certain hierarchical order. Yet only a very limited set of symbols (terms) is used for the designation of all this typological diversity. Consequently different researchers not infrequently use the same terms for the designation of typologically different phenomena. All

⁷⁶ См. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 29.

⁷⁷ Следовательно, было бы ошибочно определять этнополитические общности как нации.

⁷⁸ См.: «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях», стр. 499.

this makes imperative a clearer semantic differentiation of existing terms as well as the introduction of new ones.

First of all it appears expedient to distinguish terminologically the different levels of ethnic hierarchy. With this aim it is proposed to introduce the following terms: a) «basic ethnic subdivisions»— to denote aggregates of people possessing ethnic characteristics of the highest intensity; b) «elementary ethnic particles» or «microethnic elements»— those smallest component parts of the basic ethnic subdivision which represent the limit of its divisibility; c) «macroethnic units»— ethnic communities embracing several basic ethnic subdivisions.

Secondly, the concept of ethnos in the narrow sense of the word and that of «ethno-social organism» should be distinguished.

Thirdly, nomenclature should be differentiated according to historical stages: it should depend upon the particular social-economic formation (or group of formations) to which the ethnic community belongs.

Fourthly, a differentiation should conditionally be made between the concepts of «ethnic» and «ethnographic» community; this is to be based upon the presence or absence of self-consciousness.

On the basis of all these criteria an attempt is made in the paper to build a typology of ethnic communities.